

Елена Полуэктова

Jennifer J. Carroll. *Narkomania: Drugs, HIV, and Citizenship in Ukraine*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019. 252 pp. ISBN 9781501736926.

Елена Полуэктова, факультет антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. epoluektova@eu.spb.ru.

Книга Дженнифер Кэрролл посвящена культурно обусловленной концепции «зависимости» в ее взаимосвязи с вопросами здоровья и прав человека, гражданства и суверенитета. В книге проблематизируется понятие «гражданство», здесь показано, как гражданство и суверенитет переосмысляются в процессе геополитического кризиса на востоке Украины и какую роль в этих процессах играют «образы зависимости», способы концептуализации наркомании.

Понятие «наркомания» вынесено в название книги неслучайно. Оно рассматривается Кэрролл как культурно-специфическая категория, отличающаяся от биомедицинского определения и обладающая (как и английское *addiction*) способностью генерировать множество различных представлений о том, кто такие «наркоманы», какие вмешательства необходимы при проблемном употреблении психоактивных веществ. В то же время эти представления используются для артикуляции идеологических норм общества, выражая его моральные и социальные тревоги. В Украине, как утверждает автор, «наркомания» становится основой идеологии, которая различает людей, основываясь на предположении об их способности или неспособности быть сознательными агентами собственной воли, – и в зависимости от этого определяет, кто может считаться полноправным гражданином, а кто – нет.

Книга состоит из введения, шести глав и заключения. Во введении отмечается, что попытки медиализации зависимости потерпели неудачу – это состояние по-прежнему окружено связанными с представлениями о морали коннотациями, а клинические определения зависимости продолжают использовать троп «свобода воли». Таким образом, лакуны в биомедицинском дискурсе заполняются локальной, культурно обусловленной теорией «зависимости» – «воображаемой зависимостью».

Первая глава погружает в культурную специфику употребления наркотиков в Украине и лечения расстройства, вызванного употреблением наркотиков, с помощью заместительной терапии.

Во второй главе рассматривается, как локальная неправительственная организация снижения вреда вынуждена включаться в режимы подотчетности Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией и украинского Минздрава – институций, чьи взгляды на наркопотребителей и, соответственно, требования к сбору данных различаются. Вовлеченные в оба режима, сотрудники организации учатся отчасти манипулировать отчетностью (например, ведут внутреннюю документацию, позволяющую им заполнять необходимые документы обеих названных организаций). Как показывает Кэрролл, в повседневной клинической практике эти режимы управления людьми – один, опирающийся на логику эффективности, а дру-

гой, руководствующийся логикой изоляции и сдерживания, – интегрируясь друг в друга, превращаются в химерический инструмент биовласти.

Третья глава посвящена локальной концепции этиологии «зависимости», к которой прибегают украинские клиницисты программ заместительной терапии. Эта модель основана на дихотомии «желание vs безразличие» и предполагает, что наличие желания является предиктором «успешного» лечения, под которым понимается выход из программы заместительной терапии без возвращения к наркотикам. Отсутствием желания, патологическим безразличием, соответственно, объясняются неудачные попытки пациентов придерживаться программы.

Кэрролл связывает эту концепцию со специфическими для украинского контекста теориями личности и гражданства, согласно которым «нормальный» индивид и гражданин активно желает восстановить свое здоровье, чтобы исполнять свои социальные роли и через это быть интегрированным в общество. Если желание рассматривается как фундаментальная и социально поощряемая характеристика человека, активного гражданина, то безразличие представляет собой своего рода социальный недуг, приводящий к социальной дезинтеграции. Отмечу, однако, что отсутствие желания или его недостаток как объяснительный механизм безуспешного лечения встречается и в других локальных теориях заболеваний – заболеваний, имеющих стройное клиническое обоснование патогенеза и видимый специфический субстрат болезни, для которых, тем не менее, характерны аналогичные объяснительные конструкции. Речь идет об интерпретациях онкологических заболеваний, бесплодия, а также таких социальных проблем, как, например, одиночество и «неспособность» человека найти себе партнера. Психологизация этих проблем через объяснение тем, что пациент «на самом деле», сам того не осознавая, не желает или «психологически не готов» (жить, выздороветь, быть счастливым, зачать ребенка и т. п.) используется как медицинскими специалистами, так и их пациентами. Объяснительная сила этой вернакулярной версии психоаналитической логики для широкой публики состоит в том, что она позволяет медицинскому специалисту и его пациенту справиться таким образом с фрустрацией безуспешного лечения. Возможно, необходимость этого возникает в связи с представлением о том, что мир, в сущности, устроен справедливо. Лечение в этом смысле – особенно если речь идет о психологическом аспекте лечения – сродни религии, где излечение аналогично спасению, а в неудаче оказывается виноват сам индивид.

Как мне кажется, Кэрролл упускает из виду более широкий контекст других способов лечения «зависимости», которые существуют в Украине, контекст «шоковой терапии» и психотерапевтического поворота. Под этими конфликтами между сознательными желаниями и реальным поведением угадывается влияние психоаналитических интерпретаций, но автор ссылается только на предшествующее наследие павловской теории условных рефлексов и лечение «кодировкой».

В четвертой главе на примерах перформансов Интернет-партии Украины и письменной дискуссии между сотрудниками международной организации «Альянс» с украинским Минздравом Кэрролл показывает, как различные акторы привлекают «воображение о зависимости» для артикуляции своих представлений о гражданстве, границах между гражданами и негражданами и взглядов на обязательства госу-

дарства перед своими гражданами. Опираясь на концепцию «пограничного объекта» Сьюзан Ли Стар и Джеймса Гризимера (Star and Griesemer 1989), Кэрролл утверждает, что оба анализируемые ею примера являются иллюстрацией гибкости «воображаемой зависимости», когда значение, вызываемое идеей в сознании разных акторов, варьируется в зависимости от контекста и принятого ими дискурса. Поэтому, согласно автору, попытки Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией представить, ссылаясь на медицинский дискурс, людей, употребляющих наркотики, как граждан, обладающих правами, усиливают воображение локальных акторов об этих людях как о социально опасных «других», от которых следует защищать остальное население.

В пятой главе исследуются причины устойчивости социальной маргинализации людей, употребляющих наркотики. Обращаясь к понятию «этополитика» Николаса Роуза (Rose 2007), Кэрролл утверждает, что определение того, могут ли люди быть интегрированы в общество, основано на оценке их способности свободно мыслить и, соответственно, действовать как агенты собственной воли. Люди, у которых, как предполагается, отсутствует личная воля и свободное мышление, исключаются из общества. Именно так воспринимаются, в частности, наркопотребители.

Кэрролл показывает, что основанные на дихотомии «желание vs безразличие» модели включения и исключения, проявившие себя на Евромайдане, отражают представления о «нормальной» личности и тем самым становятся инструментами воплощения новых форм суверенитета. Отрицание личной агентности оппонентов посредством конструирования их как «наркоманов», использовалось участниками и сторонниками как Евромайдана, так и Антимайдана. «Образы зависимости» проявили себя и в таких номинациях, как «рабы», «зомби», «быдло» и т. п. Таким образом, протесты Евромайдана стали площадкой для репрезентации «истинной» нации Украины. «Истинная» «украинскость» артикулировалась и воплощалась через дегуманизацию токсичных «других» – «наркоманов», лишенных агентности, представляющих собой то нежелательное, чем не могут являться достойные граждане.

Однако некоторые из рассуждений автора в этой главе вызывают недоумение. Так, попытки укоренить те формы социальности, которые исследовательница находит на Евромайдане, в социалистическом наследии, а именно в концепции государства как хозяйства, кажутся не вполне обоснованными. Остается непонятным, почему формы взаимозависимости (взаимопомощи), проявленные украинцами на Евромайдане во имя общего дела, Кэрролл возводит к «дивидуальным» практикам / «дивидуальной» субъектности позднего СССР и постсоветского времени. Чем такие практики отличаются от практик, проявляющихся в других протестах? Или, например, от тех, что реализуются в сообществе «Анонимные алкоголики» и подобных ему?

Кроме того, утверждение автора, что представление о «нормальной» жизни украинцев «отклоняется от неолиберального идеала» (а неолиберальный идеал подвергается со стороны Кэрролл критике), поскольку «одного самоопределения и самореализации недостаточно для построения полноценной социальной идентичности», кажется мне недостаточно убедительным. Кэрролл пишет: «Чтобы достичь “нормальной жизни” в современной Украине, необходимо также противостоять системе социальных различий, которая приравнивает социально приемлемые формы

трезвости и самопожертвования к духовной чистоте и «достоинства» (deservedness), делая людей с социально неприемлемым поведением недостойными и даже не-людьми (the nonhuman). Как мне кажется, такое понимание «нормальности» вполне соответствует неолиберальному.

Возможно, многие утверждения автора отражают ее позицию как американки и представительницы американской академической среды, где «антиколониальная» оптика зачастую является неременной исследовательской рамкой. Однако – по крайней мере в случае с исследованиями постсоветского – такая оптика может стать помехой, которая заключается в стремлении видеть культурно-специфическое в том, где его нет.

Наконец, в шестой главе автор описывает, как сепаратистский конфликт на востоке Украины и российская аннексия Крыма отразились на жизненных траекториях людей, употребляющих наркотики. И проукраински настроенная общественность на западе Украины, и сепаратистские силы на востоке повсеместно прибегали к «воображаемой зависимости», чтобы подтвердить или опровергнуть легитимность друг друга. И той, и другой стороной люди, употребляющие наркотики, воображались как источник уязвимости в социальной ткани (так, в российских СМИ одно время продвигался образ Владимира Зеленского как наркомана). Как показано в главе, новые формы государственного суверенитета реализовывались в этих пространствах с помощью насилия над людьми, употребляющими наркотики, и административных изменений, касающихся, в частности, приведения местной инфраструктуры здравоохранения в соответствие с российским законодательством. Программы снижения вреда, являясь «параинфраструктурами» глобального здравоохранения, воспринимались российскими властями как угроза российскому суверенитету. Закрытие клиник и тем самым определение того, какие типы людей достойны считаться гражданами, является, как показывает Кэрролл, эффективным способом установить российский суверенитет.

Для меня как для исследователя, чья работа проходит в похожем поле, в пересекающихся друг с другом сообществах «Анонимные алкоголики» и «Анонимные наркоманы», книга Дженнифер Кэрролл представляет особый интерес и дает возможность задать ряд вопросов. Автор создает яркие портреты своих информантов, отражающие полный трагизма жизненный опыт людей, употребляющих наркотики. Эти портреты проникнуты уважением и состраданием, и в каком-то смысле автор романтизирует своих информантов, отстаивая при этом признание их уникального жизненного опыта и индивидуальности и противопоставляя такую позицию отношению, ведущему к исключению потребителей наркотиков из общества. Однако кажется, что сама риторика, к которой прибегает Кэрролл, когда говорит о людях, употребляющих наркотики, является наглядным примером безуспешной медиализации «зависимости», замкнутости современной модели на патологии воли.

С одной стороны, она прибегает к типичной для двенадцатишаговых сообществ и других активистских движений риторике, когда говорит, что «люди не имеют сознательного намерения заболеть расстройством, связанным с употреблением психоактивных веществ, или заразиться ВИЧ или гепатитом» (с. 47). Эта конструкция позволяет снять вину с «зависимого», но тем самым лишает людей с расстройством,

связанным с употреблением психоактивных веществ, способности делать свой собственный выбор. С другой стороны, автор всем своим повествованием доказывает, что люди, употребляющие наркотики, – такие же мыслящие субъекты, способные самостоятельно действовать как агенты, наделенные свободой воли. Остается непонятным, как в понимании автора книги соотносятся эти два понимания зависимости – свободный выбор или дефект воли.

Большим достоинством рецензируемой книги является ее язык и способ изложения: автор движется от историй конкретных людей, ситуаций своего взаимодействия с героями к более крупным сюжетам, таким как протесты Евромайдана, перформансы Интернет-партии Украины и т. д. «Наркомания» предлагает довольно неожиданный взгляд на комплекс проблем, связанных с наркопотреблением в постсоветской Украине. Этот взгляд находит отчетливое политическое измерение в том, что делает общество и государство с этими проблемами. При этом хочется отметить, что, возможно, сами герои повествования Дженнифер Кэрролл не стали бы говорить на эти темы в таких терминах.

Среди героев книги и тех голосов наркопотребителей, на которые опирается автор, на мой взгляд, недостает некоторых типичных и характерных позиций, которые, однако, были бы важны для понимания описываемой ситуации. Сами «зависимые» нередко оперируют такими же исключительными категориями по отношению к самим себе, как и те, кто подвергает их исключительным практикам. Так, один из моих информантов, беженец из Луганска и «бывший» многолетний наркопотребитель, в письменной дискуссии со мной довольно агрессивно защищал решение новых властей о закрытии клиник заместительной терапии и их методы борьбы с такими, как он сам, людьми. Другим примером использования подобной исключительной риторики может служить эпизод, когда один из участников «Анонимных наркоманов», не так давно вернувшийся в сообщество после длительного срыва, желая убедить свою собеседницу в том, что российские протесты организуются «не просто так» (то есть агентами внешнего влияния), в жанре «свидетельствования» рассказал, что «лично видел, как на протестах раздают наркотики». Дегуманизирующий дискурс о наркоманах как лишенных собственной агентности, открытых к манипуляциям и потому создающих уязвимости для российского суверенитета, использовал тот, кто определял сам себя как «наркоман», «срывник» и «абстинент».

О чем такие случаи говорят? Как их можно объяснить? Сталкивалась ли Дженнифер Кэрролл с информантами, не разделяющими ее собственные взгляды, и были ли в ее полевой работе кейсы, подобные описанным мной? И тогда все-таки остается интрига: по какой причине у автора испортились отношения с ключевыми информантами после Евромайдана – об этой ситуации она упоминает в самом начале своего повествования, но не раскрывает причин конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Rose, Nikolas. 2007. *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Star, Susan Leigh, and James R. Griesemer. 1989. "Institutional Ecology, 'Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–39." *Social Studies of Science* 19(3):387–420. <https://doi.org/10.1177/030631289019003001>.